

ДЕД ОЧЁРИН

«Укры» насели внезапно. Видимо, кто-то из местных по-тихому провел их левадами¹ прямо в тыл боевого охранения, в котором пытались не впасть в забытьё трое суток не спавшие пермские добровольцы. Повезло ещё, что ужаленные горилкой незалежники не выдержали и прежде времени заорали «Полундра!» Трыкнув по паре очередей в никуда, наши, кто в чём, что успели надеть или прихватить, бодренькой рысцой стриганули к своим окопам.

– Хорошо, что ещё не порезали нас как сонных поросей, – пыхтя на бегу, вымолвил Серега «Гайва» – бывалый боец с живописным прошлым жителя городских окраин. – Развесит нам теперь командир люлей да соплей на интимные органы, а, Сашк?

Молодой да ранний солдатик Сашка «Бояра» вздрогнул, вдруг что-то вспомнив, быстро, как Ринго Старр по барабанам, хлопал себя по многочисленным карманам, и даже за пазуху влез, пытаясь нашарить что-то важное. Нету!

– Ну ёрш твою маковку! – от разочарования Сашка аж остановился.

– Никак посеял что, Сашок? – тронул его за плечо «Гайва». – Забей! Ноги унёс – и то добре!

– А-ай, блин! – Сашка махнул рукой. – Письмо было, с посылкой получил. Дочитать даже не успел...

– От девчонки?

– От деда.

– От де-еда? Ничё, потом дочитаешь. Давай, Санчес, бегом-бегом!

Сашка невесело хмыкнул и поспешил за напарником...

– О, дывысь, цыбуля²! – мордатый нацбатовец в натовском камуфляже грязными, поросшими на фалангах редким рыжим волосом пальцами погрузился в картонную коробку. – И тошнина москальска! Живем! Шо? Га-га-га! – выудил он банку тушенки, подкинул ее на руке и весело загоготал в предчувствии сытного перекуса.

«Укры» наскоро обживались в только что взятом ими окопчике боевого охранения, с тревогой позыркивая в сторону русских позиций в ожидании контратаки или миномётного обстрела. Штурмовать наши траншеи они так и не

¹ Левада – лес, затопляемый в половодье

² Цыбу́ля (укр.) – лук

решились, довольствуясь малым успехом – ведь даже и таким воинская фортуна «жовто-блакитных»¹ в последнее время не баловала.

Мордатый ловко облупил начинавшую проростать луковицу и быстро зажевал, источая ядреный аромат выращенного на очёрской грядке овоща.

– Гриць, ты б с сальцем цыбулю-то хрумал. Есть же у тебя? – осклабясь неприятной улыбкой, посоветовал узколиций западенец.

– Есть, да не про твою честь! – Мордатый инстинктивно потрогал свой вещмешок, проверив, не упёрли ли сало его боевые друзья. – И до чего ж ты, Стэпанчику, до чужого добра ревнивый.

Он снова пошарил в коробке и достал сложенный вчетверо лист бумаги.

– О, тут кроме цыбули еще и цидула²! – Мордатый развернул листок и брезгливо поморщился. – Фу-у, по-москальски накалякано – читать противно. А може шо важное – вдруг от самого Путина письмишко? Эй, Заика! – обратился он к чернявому бойцу, что жадно курил, неловко придерживая тряскими пальцами обслюнявленный мундштук папирасы. – Ты же вроде кацап³? Ну-ка, перетолмачь нам, о чем твои братья пишут!

– С-с-сам ты к-кацап! – Чернявый со злобой мазнул взглядом по тушистой⁴ фигуре Грица и резко выхватил у него бумажку. – П-петух гамбургский – т-тебе брат! Д-дай сюда!

Сначала он читал про себя – ежесекундно меняясь в лице, то хмурясь, то вздыхая, глаза его увлажнились, а руки стали трястись ещё сильнее.

– Ну с-слушайте, в-вояки хреновы! – Чернявый начал читать письмо вслух и читал, почти не заикаясь:

«В добрый час, внучек! Случилась счастливая okazия передать тебе посылку, которую обещались довести до самого фронта и вручить тебе лично. Как старый солдат знаю, что вам там сейчас нужно. Покушать домашнего, вспомнить родимую сторонущку... Прислал бы больше, да постеснялся затруднять людей. Они многим передачи везли от жён, матерей, детишек. А кому не ходят посылки, ты уж поделись с ними по-братски. Храни вас там Господь! Жду тебя в Очёре с нетерпением, во сне вижу, как коротаем мы зорьку на речке за удочками... Твой дед Очёрин».

В окопчике повисло тягостное молчание, только мордатый, раздувая волосатые ноздри, отрывисто по-кабаньи сопел.

¹ Жовто-блакитные (*пренебр.*) – украинцы (по ассоциации с жёлто-голубым флагом Украины)

² Циду́ла (*устар.*) – записка, письмо

³ Каца́п – так украинцы и поляки пренебрежительно называют русских

⁴ Ту́шистый – полный, дородный

– Вот и поделился... Тебе-то, Гриць, небось, дедушка бандерольку с салыцем не переда-аст! – криво улыбнулся западенец.

– Щас-ка, пришлет он, как же – держи карман шире! – мордатый потёр небритую щеку. – Мой дидко, бис ему в дышло, идейная сволочь. Меня из-за этого старого шептуна в «Азов»¹ не приняли: ты, дескать, коммунический выродок – нет тебе веры. Этот «совок» недорезанный, гондурас косоголовый, на проволочках прямо в харю мне плюнул при всех. Нацепил медальки свои кацапские, тычет костылём в меня как шпагой, д'Артаньян беззубый. Я, грит, таких тварюг, как ты, прихвостней нацистских, в 45-м в их схронах как кротов дымом морил, на берёзах развешивал бандеровскую мразь. Ну я и хазнул ему, вонючке, по шее, – сжал он мясистый кулак. – Вот только не рассчитал малька – кондрашка схватил дедуню. Сейчас мне хоть в хату не возвращайся – на порог родня не пустит...

– Так, может, жинка тебя из дому греет²? Сало-то у тебя в шелгуне³ домашнее...

– Домашнее, да не совсем! Пригреет она, ага, жди да радуйся... Может кого-нибудь в постеле моей, но не меня! Наоборот, требует, стерва, чтоб я ей отсюдова трофеи слал. У нас дети, мол, растут, расходов тьма-тьмущая. Ну, отправил я раз детишкам кофточка там разные да комбезики. А она, паскуда, звонит, почто ты, олень безрогий, в крови одежду присылаешь?! Стиральный порошок, мол, нынче знаешь какой дорогой? Ну не гадина, а? А там совсем чутка порвато было да три капельки засохших – зашей и ототри, шалава, руками!

– С п-покойника, что ли, снял? – нахмурился Заика.

– А фи́га ли добру пропадать. Я ж гутарю – почти и не порвато было пальтецо, моему младшому в самый раз...

– Ну и гнида ты, Гриць! – покачал головой западенец. – Как шкурку с кролика одёжку с ребенка содрал – и ни стыда ни совести. Герой!

– Чё сказал?

– Чё слышал! Да не кипишись – все мы тут, так или иначе, гниды...

– Коз-зёл! И так тошно, а он еще подсеваает, – обиделся мордатый. – А давеча-то кто старуху с внучкой ограбил? Я? Последнее, паскуда, у них забрал, да еще под юбку бабе полез! А они-то наши были, не москали и не донбасня – за

¹ Батальон «Азов» (известный также как полк и отряд спецназначения) – националистическое формирование в структуре Нацгвардии Украины, запрещённая на территории России террористическая организация

² Греть (*уголовный жарг.*) – отправлять заключённому или солдату вещи, посылки, передачи (грев) из дома

³ Шелгун (*устар.*) – мешок, котомка

Зеленского голосовали! У молодухи чоловік¹ под Бахмутом воюет, а ты его бабу мять удумал! И кто из нас после этого гнида? Нажалуюсь я про тебя старшому, так и знай...

Вдруг частыми гроздьями захлопали разрывы ВОГов², со всех сторон сорочьим базаром зашумела пулемётная трескотня.

– Хлопцы! Москаляки рядом! Ховайся кто может! Тикаемо отсель! – попорсячы завизжал мордатый и, встав на четвереньки, слишком резво для своей комплекции заполз в нишу – только пятки торчали.

Западенец и чернявый лишь на мгновение высунулись из-за мешков с песком, но лучше бы этого не делали – один другого пережил всего-то на полсекунды...

Наши брали обратно своё родное, чтобы больше уже никогда не отдавать.

– «Гайва», «Бояра»! А ну прошмонайте свой окоп! – скомандовал командир роты. – Только басенько, а то там, кажись, кто-то хрюкнул...

Бойцы осторожно заглянули за осыпавшийся бруствер и едва сдержали смех. Из патронной ниши торчал огромный откормленный зад в подмокшем натовском камуфляже.

– Э-э-й, тук-тук-тук, есть кто в домике? – дурачась пропел «Гайва». – А в ответ – тишина. На-адо же... А, может, гранатку бросить?

– Не надо, хлопцы, гранатку! Сдаюсь, не бейте только, я насильно мобилизованный. – Гриць по-рачы вылез из ниши – и как только там поместился. Со страху, видимо, и не в такую узкую дырусю занырнёшь. – Да я свой почти, у меня батя – русак природный. Не стреляйте только – у меня детишки, – запричитал мордатый.

– Да кому ты нужен, мараться об тебя! – усмехнулся «Гайва». – А что это ты, свой, за промокашку в кулаке мусолишь? Подтереться забыл? Или это пропуск в плен? – спросил он, увидев в руке «укра» измятый листок бумаги. – Сюда давай, бандеровец!

«Гайва» выхватил листочек и быстро пробежал глазами по написанному:

– О, посылочка, передача, Очёр, Очёрин, дед... Э, Бояра! – вдруг вскинулся он. – Это случаем не твоё письмо, что ты не успел дочитать? Ха-ха, из

¹ Чоловік (укр.) – муж, супруг

² ВОГ (выстрел осколочный гранатомётный ВОГ-25) – осколочный боеприпас для подствольных гранатомётов

деревни от дедушки, от Константина Макарыча? На – не теряй больше! Я же говорил, что дочитаешь ещё! Да не менжуйся, вслух прочти – для всех!

Сашка вцепился руками в бумагу, растерянно заулыбался и начал читать срывающимся от пережитого волнения голосом. Ведь не прошло и полчаса, как это письмо уже второй раз читали в этом окопе. Но на этот раз уже в нашем, освобождённом...

– Ответ напиши! А братва позывными подпишется – спасибо передай, – попросил «Гайва», когда Сашка закончил. – Только не говори, что бандеровцы его лук сожрали. А какой он, Сашунь, Очёрин-то твой? Наверное, орёл, да?

– Дед-то? Да обыкновенный, как у всех. Старый и мудрый. Добрый ещё. На все руки мастер. Родной, короче. Свой в доску. Наш, понимаешь? – Сашка рассеянно огляделся вокруг в поисках достойного сравнения.

Южное солнце весело подмигивало из-за пухлой, как детская подушка, тучки. Ветерок, рассеивая пороховой дым, игриво шевелил молодую берёзовую листву. Первые цветочки, наперекор судьбе, выползали из перерытой взрывами лужайки. Вдаль, на запад, уходил необъятный простор пока ещё не нашей, но все равно своей, в доску своей земли. Устало, но не угрюмо, кто, где и как, вперемишку расселись русские и нерусские, но наши солдаты в ненатовском камуфляже, но с иностранной буквой «Z» на шевронах.

– Да как вот это всё, как сама Россия, – от избытка чувств Сашка закашлялся. Это чтоб выступившие слёзы оправдать. – Мой дед – он тако-ой!

Максим Шардаков

26 июня 2023 г.